

УДК 940.53:334 (947)

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ***канд. ист. наук, доц. Е.А. ГРЕБЕНЬ**(Белорусский государственный аграрный технический университет)*

Рассмотрена предпринимательская деятельность гражданского населения Беларуси в период нацистской оккупации на основе значительного массива архивных материалов. Отмечено, что, в исключительно сложной социально-экономической ситуации периода нацистской оккупации, предпринимательство стало одной из стратегий выживания для многих граждан. Несмотря на значительные сложности, возникавшие в процессе работы частных ремесленных и торговых предприятий, предпринимательство явилось альтернативой наемному труду и, соответственно, мизерной заработной плате в государственных учреждениях и предприятиях. Показано, что занимавшиеся предпринимательской деятельностью граждане использовали различные тактические приемы (уклонение от налогов, работа без патента), позволявшие функционировать частному предприятию в условиях жесткой регламентации их деятельности со стороны оккупационных властей.

Введение. Экономическая составляющая нацистского оккупационного режима в Беларуси на протяжении продолжительного периода подвергалась детальному исследованию. В то же время, в отечественной историографии стратегии выживания гражданского населения, в частности, предпринимательская деятельность, только обозначены [1]. Учитывая имеющееся в распоряжении исследователей огромное количество архивных материалов, представляется важным детальное изучение данного аспекта нацистского оккупационного режима. Целью статьи является анализ предпринимательства как стратегии выживания в условиях нацистской оккупации.

Основная часть. Существовавшее в 1930-е гг. в теневом виде предпринимательство, в годы оккупации было легализовано [2, с. 9–10]. Тяжелое материальное положение (безработица в первый год оккупации, низкая заработная плата, дефицит продовольствия) вынуждало население Беларуси искать альтернативные наемному труду источники дохода. Оккупационные власти также были заинтересованы в создании множества частных ремесленных и торговых предприятий, которые обеспечивали потребности гражданского населения и оккупационных структур.

На территории тыла группы армий «Центр» ремесленное производство и торговля регулировались изданным 18.02.1942 г. «Временным ремесленным порядком». В нем отмечался дефицит товаров народного потребления как результат ликвидации в период боевых действий большинства предприятий, производивших эту продукцию. Предписывалось зарегистрировать уже существующие и вновь открываемые ремесленные предприятия в промышленных отделах районных управлений, где ремесленников вносили в особый список. Зарегистрированный ремесленник имел право на получение продуктового пайка для работающего населения. Предусматривалась обязанность ремесленников сдавать установленное количество продукции на склад Центрального торгового общества «Восток» по установленным промышленным отделом ценам. В случае не сдачи государству оговоренного объема продукции регистрация ремесленника могла быть аннулирована, а он сам назначен на работу [3, л. 8].

Местная администрация составляла списки ремесленников города (фамилия, имя, адрес мастерской, число работающих членов семьи, учеников). За выдачу патента взималась пошлина в размере 100 руб. в год. Мастерская ремесленника снабжалась табличкой с именем мастера и названием профессии на немецком и русском языке. Внутри помещения на видном месте закреплялась табличка с тарифами; заводилась книга заказов. Квалификация претендентов на получение патента ремесленника проверялась специальной испытательной комиссией или на собрании ремесленников, созываемом ремесленным отделом городской управы, германских учреждений и биржи труда. Фельдкомендатура регулировала численность ремесленников по каждой специальности, устанавливая предельную численность, а также регулировала цены. «Временный ремесленный порядок» разрешал функционирование ремесленных артелей, существовавших до войны. Лицам, политически неблагонадежным или имеющим уголовное прошлое, патент выдавать запрещалось [4, л. 51–52 об.].

После установления полицией политической благонадежности просителя глава местной администрации санкционировал выдачу патента [5, л. 1–2]. Тем не менее, ряд торговцев, имевших в годы советской власти судимости, смогли получить патент. Факт преследования со стороны большевиков даже акцентировался в заявлениях соискателей патента (пусть даже и не по политическим мотивам, а за административные или уголовные дела), оккупационные власти рассматривали данные факты как залог лояльности к новому порядку. Имела место тенденция, что если основную массу ремесленников составляли горожане, не имевшие судимостей, то патенты на исключительно выгодное занятие торговлей продуктами выдавались только лицам, пострадавшим от советской власти [6, л. 1–4; 7, л. 1]. К заявлению могло

прикладываться также свидетельство об окончании курсов, позволявших гражданину заниматься конкретным ремеслом [5, л. 5, 5 об.].

Граждане, занимавшиеся ремеслом в сельской местности, не освобождались от исполнения общественных работ и натуральных повинностей с имеющейся у них земли [8, л. 15]. При необходимости местные власти могли брать под свой контроль какую-либо отрасль ремесленного производства. Начальник Узденского района 30.01.1942 г. запретил выделку овчин и мелких кож на дому. Кожевникам запрещалось принимать заказы частных лиц, предписывалось сдать патенты в финансовый отдел и далее работать в кожевном цеху портняжной мастерской. С распоряжением было ознакомлено 13 ремесленников [9, л. 61, 61 об.]. В первые месяцы оккупации в генеральном округе Беларусь сохранялись ремесленные предприятия, принадлежавшие евреям, но уже в 1942 г. коллаборационная администрация приступила к их ликвидации. Начальник Новомышского района в феврале 1942 г. приказал немедленно ликвидировать все еврейские промышленные и ремесленные заведения и передать инвентарь в районную артель. Предлагалось также оповестить население, что в районе существует государственная артель, которая оказывает услуги по починке одежды и обуви и осуществляет парикмахерскую деятельность [8, л. 5].

Для стимулирования развития ремесла весной 1943 г. отделом местной промышленности Лепельской городской управы была организована выставка кустарных изделий; лучшим ремесленникам выдавались почетные дипломы [10, л. 11]. В 1943 г. планировалось провести выставку изделий кустарей-ремесленников в Осиповичах. Районные администрации Осиповичского округа получили указания выяснить у ремесленников, кто из них мог бы предоставить экспонаты на выставку. Экспонируемые предметы обещалось возратить ремесленникам или же они могли их продать, владельцем экспонатов, занявших призовые места, обещали премировать [11, л. 44].

Расценки на изделия и услуги ремесленников и размер налогов устанавливались немецкой оккупационной или местной администрацией. В 1942 г. в Витебске были установлены расценки на услуги сапожников, часовщиков, парикмахеров, швей, слесарей, гончаров, фотографов, валяльщиков и шапочников. По распоряжению оккупационных властей организовывались собрания ремесленников конкретных специальностей для выработки общих правил работы и цен [12, л. 3 – 11]. Новогрудский гебитскомиссариат разработал шкалу расценок на услуги ремесленников, зарегистрированных и имеющих ремесленную карту, в частности, расценки для кузнецов, портных, столяров, бондарей, колесных мастеров, металлостов, каменщиков, гончаров, слесарей, фрезеровщиков. В обнародованном прейскуранте указывалась только стоимость самой услуги конкретного ремесленника, и при формировании окончательной цены к ней плюсовалась стоимость затраченного материала [13, л. 38]. На рост цен на услуги предпринимателей влияло обеспечение их продуктами. Немецкие оккупационные власти г. Витебска летом 1942 г. признавали, что обеспечение ремесленников носит хаотический характер (ремесленникам полагалось 300 г хлеба в сутки, их иждивенцам – 200 г и детям – 100 г), хлеб мало кто из них получает, в результате чего растут цены на ремесленную продукцию [14, л. 5–6].

Предпринимательская деятельность облагалась налогами. На основании распоряжения генерального комиссара Воьлини и Подолии от 7 ноября 1941 г. вводился налог с оборота от продажи товаров в размере 10 % от месячной выручки, вносился до 15 числа каждого месяца. Ремесленники платили промышленный налог, составлявший 50 % подоходного налога, уплачивая оба налога ежемесячно до 5 числа [15, л. 3, 4]. В Витебске размер патентного сбора устанавливался на основании «Расписания разрядов патентов и сумм торгово-промышленного сбора». 1-ый разряд (сумма сбора 50 руб.) устанавливался для торговли вразнос, в развоз, с земли, подряда и поставки на сумму до 10000 руб. 2-й разряд (150 руб.): торговля из ларьков, палаток и киосков, подряда и поставка на сумму от 10000 до 20000 руб., с заезжих (постоялых) дворов; для кустарей и ремесленников, работающих единолично, без найма рабочей силы, и для промышленных предприятий без механического двигателя с количеством наемных рабочих и служащих до 3-х чел.; для лиц свободных профессий (зубных врачей, медицинских и ветеринарных фельдшеров, акушеров, парикмахеров, слесарей, извозчиков, фотографов). 3-ий разряд (250 руб.): для розничной торговли и магазинов, скупки для перепродажи при обороте от 3000 до 6000 руб. в месяц; подряда и поставка от 20000 до 40000 руб.; столовые и закусочные; лица свободных профессий (врачи, юристы, нотариусы, художники); промышленные и кустарные предприятия с количеством наемных работников до 3-х включительно (слесарно-механические, фотографии, парикмахерские, извоз); предприятия без двигателя с числом наемных рабочих 4 – 10 чел.; предприятия с двигателем с числом наемных рабочих 1 – 5 чел. 4-ый разряд: для полуоптовой торговли, скупки и перепродажи при обороте от 6000 до 10000 руб.; подряда и поставки от 40000 до 60000 руб.; гостиниц, ресторанов и кафе, лечебных учреждений, юридических консультаций, нотариальных контор, художественных мастерских и прочих частных организаций до 3-х наемных работников, промышленных и кустарных предприятий без двигателя с числом наемных рабочих от 4 до 10 чел. и предприятий с двигателем с числом рабочих от 5 до 15. 5-ый разряд: для оптовой торговли, скупки и перепродажи свыше 10000 руб. в месяц, подряда и поставки свыше 60000 руб., частных организаций свободных профессий с числом рабочих и служащих свыше 3-х, для

промышленных и кустарных предприятий с количеством рабочих выше предусмотренного 4-ым разрядом. Каждые два ученика в возрасте от 15-ти лет приравнивались к одному рабочему [16, л. 12 – 13].

С осени 1941 г. началась регистрация граждан, желавших заниматься ремеслом и торговлей. На основании приказа бургомистра Добруша от 14.11.1941 г. лицам, занимавшимся каким-либо промыслом, предписывалось в трехдневный срок зарегистрироваться в торговом отделе районно-городского управления и получить патент. Ремесленники должны были также сделать вывески с обозначением рода занятий на немецком и русском языках. Нарушителям приказа грозил достаточно крупный для первых месяцев оккупации штраф от 500 до 1000 руб. или две недели принудительных работ [17, л. 64].

В Тереховском районе в декабре 1942 г. комиссию на право получения патента нового образца прошли 10 портных, часовых дел мастер, парикмахер, мастер по заливке галош, 19 сапожников, 43 кузнеца, 17 бондарей [18, л. 1, 3, 8, 8 об., 19, 19 об.]. В г. Лепеле в 1942 г. было зарегистрировано 66 кустарей, часть из которых работали при германских воинских частях. На территории района имелось 93 кустаря, из которых 3 гончара, 20 мастеров по изготовлению деревянной посуды, 11 колесников, 23 кузнеца, 16 мастеров по изготовлению саней, 10 сапожников, 7 портных, 2 мастера по изготовлению щеток, 1 мастер молотбы со своей ручной молотилкой [19, л. 143–144]. Для стимулирования работы кустарей практиковалась выдача им по 2 кг соли за сданную продукцию.

Согласно приказу начальника Осиповичского района от 4.02.1942 г., отделу труда районного управления предписывалось создать «ремесленную секцию», которая должна была взять на учет всех ремесленников города и района. К 15.03.1942 г. планировалось составить поименные списки ремесленников с указанием персональных данных, национальности, специальности и места, где ей обучался, рода занятий до войны. В примечаниях фиксировались лица, которые, по мнению начальников сельских управлений, являлись политически неблагонадежными или не могли быть допущены к занятию ремеслом по другим причинам. Развитию ремесла должно было способствовать наличие местного сырья: глины, дерева, лозы, овчины. Готовую продукцию планировалось сдавать на склады промышленного отдела. Оплата за сданную продукцию планировалось производиться по довоенным расценкам, превышать которые разрешалось не более чем на 20 % [20, л. 35, 35 об.]. В 1943 г. в районах, входивших в состав Осиповичского округа, насчитывалось следующее количество населения: Осиповичский район и г. Осиповичи – 71000 чел., Стародорожский район – 40495 чел., Марьиногорский район – 45000 чел., Глусский район – 36000 чел., Любанский район – 35000 чел. В Осиповичском районе насчитывалось 97 кустарей и ремесленников, в Стародорожском – 34 ремесленника и 4 ремесленных артели, в Марьиногорском – 95 ремесленников. Точных сведений по другим районам окружное управление не имело [21, л. 14, 15]. Количество ремесленников в крупных городах относительно общей численности населения превосходило аналогичное количество в районах и районных центрах, что можно объяснить тем фактом, что подавляющая часть жителей районов была занята работой в сельском хозяйстве, в то время как жители крупных городов были вынуждены заниматься ремеслом, чтобы выжить.

За период с 1.01.1943 г. по 1.07.1943 г. в Орше ремесленные карточки и патенты получили свыше 200 чел., из них не менее 60 чел. работали в сфере общественного питания и торговли, были представлены парикмахеры, мастер-жестянщик, точильщик, часовщик, гробовщик, мастер по изготовлению детских игрушек и др. [22, л. 1–9]. По данным на 30.01.1944 г. в Орше патенты и ремесленные карточки на право торговли и занятия кустарным промыслом получило 26 чел., из них 5 парикмахеров, 2 слесаря, 8 владельцев кофеен-закусочных, 7 чел., занимавшихся мелкой торговлей, фотограф, мастер по изготовлению бахил, красильщик (род занятия еще одного гражданина не ясен) [23, л. 7]. В мае 1944 г. в Орше были зарегистрированы 12 кофеен-закусочных, 6 парикмахеров, слесарь, 5 мастеров по ремонту резиновой обуви, 10 торговцев печеным хлебом, 22 мелкорозничных торговца, художник, жестянщик, чесальщик шерсти, 8 сапожников, фотограф, точильщик, мельник газогенераторной мельницы, портной, гончар, продавец мороженого. Однако некоторые из зарегистрированных ремесленников и торговцев уже не работали [24, л. 4–10].

В г. Витебске за февраль 1942 г. было выдано 420 патентов по 29 специальностям, за первое полугодие – 693 патента по 44 специальностям, до конца лета того же года – еще 165 патентов [25, л. 6, 10, 14, 25, 49, 57, 57 об.]. Квалификация претендентов проверялась испытательной комиссией при ремесленном подотделе Витебской городской управы [26, л. 12–16 об.]. На общем собрании ремесленников 16.09.1942 г. занимавшиеся ремеслом граждане были ознакомлены с распоряжением немецкого командования о ремесленной деятельности, были выбраны представители в комиссию по определению квалификации ремесленников, а также составлен перечень инструментов для каждой профессии для закупки их в Германии [26, л. 25, 25 об.].

Отдельным образом регламентировалась работа фотографов. Для данного вида деятельности необходимо было получить разрешение комендатуры, под чьей юрисдикцией находилась община, в которой фотограф планировал работать. Выдавалось разрешение только на изготовление фотографий на паспорт для гражданского населения. Каждый заказ фиксировался в специальном списке (ФИО, возраст, адрес заказчика), который при необходимости предоставлялся комендатуре. Строжайше воспрещалось

фотографировать чинов германской армии, полиции и немецких гражданских организаций, а также производить фотосъемку вне дома [27, л. 446, 446 об.]. Подобная регламентация должна была препятствовать оказанию фотографами помощи партизанам и подпольщикам, которые могли использовать фотографии в поддельных удостоверениях личности.

Иногда граждане, желавшие открыть частные предприятия, ходатайствовали перед местной администрацией о получении ссуды. Житель Орши ходатайствовал перед бургомистром о предоставлении ему ссуды на 6 месяцев для открытия чайной. Оршанское отделение государственного банка выделило ему ссуду в размере 2500 руб. [28, л. 360, 361, 361 об.].

Многие предприниматели уклонялись от получения патентов. Работа предпринимателей-нелегалов создавала конкуренцию ремесленникам, получившим патент, чьи цены, соответственно, были выше, а мастера, работавшие без патентов, могли снижать цены на аналогичную продукцию. В Тереховском районе к марту 1942 г. 11 кустарей возвратили патенты, поскольку их соседи работали без патентов [29, л. 5]. В 1942 г. 40 ремесленников-кузнецов Тереховского района не уплатили налог на занятие ремеслом и были оштрафованы [18, л. 9, 9 об.]. В распоряжении Минского гебитскомиссариата от 29.08.1941 г. о проверке лиц, занимающихся ремесленной деятельностью, наряду с требованием получить патенты и угрозами штрафа до 500 руб., содержалось обещание запретить заниматься кустарным промыслом тем, кто не получит патенты [9, л. 11].

Несанкционированная предпринимательская деятельность не оставалась тайной, местные власти регулярно привлекали граждан к административной ответственности. В составленном инспектором Вилейской районной управы протоколе от 13.07.1942 г. сообщалось, что житель Вилейки занимался портняжным ремеслом, однако уклонялся от предоставления сведений о доходности своего промысла и уплаты налогов. В ходе разбирательства было установлено, что гражданин занимался промыслом еще с довоенных времен, является высококвалифицированным специалистом и использует труд наемного работника, но при этом работает без патента. Протокол был составлен для привлечения портного к административной ответственности [30, л. 7]. На основании распоряжения генерального комиссара Беларуси в декабре 1943 г. жительница Радшковичского района была оштрафована на 300 марок за сознательное занятие ремеслом без разрешения [31, л. 5]. Полицией Бобруйска 26.03.1944 г. был составлен протокол на двух владельцев производства по выжимке растительного масла. Как было установлено следствием, подпольное производство функционировало с января по март 1944 г., за это время выработка масла проводилась 4 раза, каждый из компаньонов получил по 16 л масла (по их словам, исключительно для личных нужд, а не на продажу). Финансовый отдел городского управления не поверил показаниям граждан и рассматривал производство как коммерческое предприятие, принесшее владельцам за январь – февраль доход в 32000 руб.; был рассчитан подоходный налог в размере 10 %, по 1600 руб. на каждого. Бургомистр Бобруйска постановил взыскать с них эту сумму и оштрафовать на 500 руб. каждого, в случае неплаты угрожал принудительными работами [32, л. 7–11].

Предпринимательская деятельность для ряда граждан не была постоянным занятием. Уже осенью 1941 г. финансовый отдел Витебской городской управы фиксировал отказ от патентов некоторых предпринимателей (как правило, по причине выезда в деревню). Многие сдавали патенты в финансовый отдел, потом вновь получали их. Часть предпринимателей прекращали работу по причине неудачно складывающейся рыночной конъюнктуры (например перебои с сырьем), невозможности работать по причине боевых действий, перехода на работу на предприятия и учреждения. На сентябрь 1942 г. по 4-му налоговому участку сдало патенты 44 чел., по 3-му – 71 чел., 1-му – 39 чел. и по 2-му – 177 чел., всего 331 предприниматель, то есть почти половина получивших патент в этом году [25, л. 60–63]. Некоторые граждане совмещали предпринимательство с работой в государственных учреждениях. Доходы значительной части предпринимателей были незначительны и вполне сопоставимы с низкой заработной платой лиц наемного труда.

Предприниматели, легально работающие по патенту, подвергались санкциям за нарушение правил работы. Наиболее типичным нарушением была несвоевременная подача (или неподдача вовсе) налоговой декларации и уклонение от уплаты налогов. В г. Витебске за подобные нарушения за 1-е полугодие 1942 г. только по 2-му налоговому участку было оштрафовано 72 ремесленника на сумму от 25 до 50 руб. [25, л. 94–96]. Игнорирование порядка ремесленной деятельности и уплаты налогов могло продолжаться достаточно долго. Крупская районная управа 24.06.1943 г. лишила кузнеца ремесленной карточки, запретив в дальнейшем заниматься ремеслом. Ремесленнику ставилось в вину отсутствие книги заказов, игнорирование плана сдачи продукции, доведенного отделом местной промышленности, и неплата налогов в течение семи месяцев [33, л. 39].

Вызывали подозрение даже специалисты, работавшие в различных учреждениях. Проводился мониторинг на предмет того, занимаются ли такие специалисты ремесленной деятельностью вне работы на дому. Налоговый инспектор Могилевского городского управления 10.05.1944 г. составил акт по итогам обследования работы мастера-сапожника, работавшего при воинской части. Соседи показали, что гражданин сапожным ремеслом на дому не занимался, за исключением мелкого ремонта обуви для своей семьи, признаков занятия ремеслом, не было обнаружено [34, л. 27].

Властями без энтузиазма встречались просьбы предпринимателей снизить налоги. Начальник Вилейского района в ответ на просьбу гражданки уменьшить промышленный налог отказал на том основании, что владелица предприятия общественного питания не правильно сообщила дату открытия (указана дата 22.01.1942 г., тогда как заведение работало с 6.08.1941 г.), предприятие не является столовой, как указала владелица, а рестораном, поскольку в нем продается водка, закуски и табачные изделия, а указанный ежемесячный оборот средств 300 – 500 руб. (10–15 руб. в день) не выдерживает никакой критики [35, л. 79]. Разногласия между фискальными органами и предпринимателями могли порой носить весьма острый характер. Один из сапожников г. Бреста в декабре 1943 г. вынужден был апеллировать непосредственно к Брестскому гебитскомиссару (обращения перед этим непосредственно в налоговые органы оказались безрезультатными), жалуясь на финансово-налоговый отдел городской управы, определивший ему налог за прошедшие три месяца в сумме 17420 карбованцев. Незадолго до этого в городскую управу поступила жалоба гражданки, клиентки сапожника, на чрезмерно высокую цену на его услуги. Гебитскомиссар отмечал, что стоимость работы по пошиву пары обуви, согласно его указанию, составляет 1 – 1,5 марки, и сумма налога чрезмерная [36, л. 25, 25 об., 27, 28, 30, 37, 38].

В условиях мизерных продуктовых пайков, получаемых рабочими и служащими по карточкам, частные предприниматели продавали продукты питания вразнос или через киоски. Осенью 1941 г. открываются частные предприятия общественного питания. В сентябре 1941 г. было получено разрешение на открытие хлебопекарни в г. Друе, мясной лавки в пос. Видзы, столовой в г. Браславе, чайной-столовой без права продажи спиртных напитков в дер. Новый Погост, столовой без права продажи спиртных напитков в г. Браславе, в декабре 1941 г. открылся мясной магазин в пос. Видзы [37, л. 24, 46, 49, 52, 55, 62]. Для получения разрешения необходимо было подать заявление в районную управу. Это же касалось и уже действующих предприятий (некоторые частные предприятия существовали в регионе и в годы советской власти) [37, л. 42]. В июле 1942 г. на имя Могилевского бургомистра поступило прошение двух гражданок, которые просили выдать им разрешение на открытие коммерческой столовой по Днепровскому проспекту. Закупку продуктов предполагалось производить на базаре по коммерческим ценам, приблизительная калькуляция обеда из двух блюд без хлеба (планировалось реализовывать 100 обедов в день) составляла 30 – 35 руб. Предполагалась также продажа хлеба в буфете при столовой. Столовая планировалась как общественная, и предпринимательницы планировали в будущем ее расширение, если она окажется рентабельной. Городское управление одобрило идею и сообщило фельдкомендатуре, что это будет первая частная столовая [38, л. 333].

Предприятия общественного питания часто размещались в арендованных у городского управления помещениях. За период сентябрь 1941 г. – январь 1942 г. Оршанская городская управа сдала гражданам в аренду ряд помещений для открытия 4 парикмахерских, 2 кофеен-закусочных, сапожной мастерской, двух пекарен, кустарного завода для выгонки смолы, бондарной, жестяной, кузнечной, сапожной, слесарно-весовой мастерских. В аренду передавались ларьки, дома, помещения бывших магазинов и даже часть помещения городского банка для открытия в нем кафе-закусочной [39, л. 72, 237, 252; 40, л. 27–29, 32, 9, 34, 41, 42, 47, 83]. В договоре прописывались срок аренды (как правило, на год с возможностью дальнейшего продления), арендная плата за м², с возможностью наложения пени в размере 0,05 % за каждый просроченный день, обязанность арендатора сохранять и оборудовать помещение, а также условия расторжения договора (не своевременный взнос арендной платы, использование помещения не по назначению, государственная надобность в помещении). Арендная плата варьировалась от 2 руб. до 3,75 руб. за м² [39, л. 72, 237, 252].

Частная медицинская практика была представлена услугами стоматологов и акушеров. Оборот средств стоматологического кабинета гражданки за 2-е полугодие 1942 г. составил 1385 руб., чистый доход – 1080 руб. Расценки на услуги: пломбирование зуба – 10 – 15 руб., удаление или лечение – 10 руб., установка коронки – 50 руб. Аренда кабинета обходилась в 40 руб. в месяц, отопление и освещение – 300 руб. за период. В 4-м квартале услуги возросли на 5 – 20 руб. В 1943 г. пломбирование зуба стоило 20 руб., установка коронки – 100 руб., т.е. в два раза больше по сравнению с предыдущим годом. Типичным нарушением частнопрактикующих медиков (как, впрочем, и многих других предпринимателей) являлось отсутствие книги учета заказов, что позволяло утаивать часть доходов. Тем не менее, несмотря на этот факт, доходы стоматологического кабинета (этот бизнес всегда был высокодоходным) выглядят более чем скромными. Со слов врача ежемесячно обслуживалось около 40 чел. [41, л. 1–12]. Фельдшер, принимая пациентов на дому, зарабатывала 25 – 50 руб. в месяц (1 – 2 чел.). Причина невысоких доходов заключалась в том, что все медики (а в военные годы эта специальность являлась исключительно востребованной) работали в поликлиниках и больницах города, и частная практика приносила дополнительный доход. Та же фельдшер работала в районной поликлинике с окладом 200 руб. в месяц плюс имела пособие по инвалидности 150 руб. Подобные предприниматели, по мнению городской управы, платили мизерные налоги, не оправдывая ожиданий; фининспектор даже предлагал лишить ее патента [42, л. 1–2].

Активно функционировали предприятия бытового обслуживания. В Браславской парикмахерской на 15.08.1941 г. существовали следующие расценки на услуги: бритье – 1,5 руб., стрижка волос, мытье головы, бритье головы, дамская стрижка – 2 руб., стрижка машинкой наголо – 1 руб., укладка волос – 1 руб. [43, л. 16]. В Могилеве насчитывалось 11 парикмахерских [44, л. 33]. В Витебске их было не менее 15-ти. Оборот одной из парикмахерских (хозяйка, ученик и уборщица-прачка) за 1-ый квартал 1943 г. составил 3821 руб., из которых чистый доход владелицы – 649 руб. (скромная сумма для трех месяцев работы). Бритье стоило 3 руб., стрижка – 2 – 3 руб. [45, л. 1–10].

В июле 1942 г. – сентябре 1943 г. в г. Витебске действовала частная мыловарня. Сырье покупалось на базаре 2 – 3 раза в месяц. Хотя из-за его отсутствия случались перебои в работе, в среднем за одну варку изготавливалась партия в 20 кусков мыла за 4 часа. 500-граммовый кусок мыла стоил 50 – 100 руб., продавался на базаре и частично на дому. Как правило, производилось 2 варки в месяц. Оборот за 1942 г. составил 3400 руб., чистый доход 1165 руб. или в среднем 233 руб. в месяц. За 1-й квартал 1943 г. оборот составил 1150 руб., расходы на аренду помещения – 240 руб., отопление – 300 руб. всего за 8 месяцев работы мыловарни (июль 1942 – апрель 1943 г.) было произведено 16 варок мыла (320 кусков), оборот средств составил 23466 руб., чистый доход за вычетом производственных расходов и налогов 2347 руб. или в среднем 293 руб. в месяц [46, л. 1–19].

Широко представлено было сапожное ремесло. Поскольку купить новую обувь было затруднительно ввиду ее дефицита и дороговизны, граждане вынуждены были донашивать уже имевшуюся обувь, нуждавшуюся в ремонте, поэтому услуги сапожников были очень востребованы. Нужды сапожников обслуживала специальная заготовительная мастерская, которая продавала заказчикам сапожные заготовки: заготовка для сапог стоила 150 руб., для ботинок – 200 руб. За август – сентябрь 1942 г. было произведено 50 штук сапожных заготовок и 2 штуки заготовок для ботинок, оборот составил 7900 руб. Оборот сапожной мастерской одного из жителей Витебска за 1-е полугодие (мастерская открылась 10.02.1942 г.) составил 2396 руб., чистый доход 1420 руб. или 284 руб. в месяц. Гражданин оказывал услуги по починке старой и пошиву новой обуви из материала заказчика на дому. Дважды в месяц на рынке покупалась фурнитура на сумму 50 руб. Клиентами являлись местные жители. За 24 часа сапожник изготавливал новые сапоги, продаваемые за 150 руб. при себестоимости изделия 30 руб., ботинки (200 и 20 руб. соответственно). На примере данной сапожной мастерской можно увидеть неустойчивость положения мелкого бизнеса в годы оккупации. Как и многие его коллеги-предприниматели, получавшие скромный доход, ремесленник не спешил подавать налоговую декларацию, за что и был осенью 1942 г. оштрафован на 100 руб. Штраф возымел действие, и 14.10.1942 г. предприниматель подал декларацию за 2-й и 3-й кварталы, но в 1943 г. финотдел выявил недоимку уплаты налогов за февраль – март месяцы. Как показало расследование, сапожник с 15.03 до 12.07 работал на принудительных работах при немецкой воинской части за пределами г. Витебска за сокрытие подозрительного человека. После отбытия наказания мастерская вновь заработала, ремесленник обещал заплатить налог за февраль, однако в октябре 1943 г. он прекратил работы и переехал в г. Дриссу [47, л. 1–21].

Главы местной администрации должны были организовать контроль санитарного состояния парикмахерских и предприятий общественного питания силами врачей государственных медицинских учреждений и частнопрактикующих врачей. В случае обнаружения несоблюдения санитарных норм, начальники районов были обязаны сообщать об этом в комендатуру, которая принимала решение об их закрытии [3, л. 23 об.]. Бобруйское городское управление приговорило владельца столовой за антисанитарное состояние, грубость в отношении должностного лица, проводившего проверку, и попытку подкупа его к месяцу принудительных работ с отбыванием в трудовом лагере [48, л. 41]. При проверке в мае 1944 г. администрацией г. Бобруйска гражданки, имевшей патент на производство мороженого, оказалось, что продукция производилась под открытым небом во дворе. Городской санитарный врач потребовал от начальника торгово-промышленного отдела изъять патент и не допускать подобных случаев в будущем [49, л. 182].

Заключение. В исключительно сложной социально-экономической ситуации в период нацистской оккупации предпринимательство стало одной из стратегий выживания для многих граждан. Несмотря на значительные сложности, возникавшие в процессе работы частных ремесленных и торговых предприятий, многие из них функционировали практически до конца оккупации. Для многих граждан предпринимательство явилось альтернативой наемному труду и, соответственно, мизерной заработной плате в государственных учреждениях и предприятиях. Занимавшиеся предпринимательской деятельностью граждане использовали различные тактические приемы (уклонение от налогов, нелегальное предпринимательство), позволявшие функционировать частному предприятию в условиях жесткой регламентации их деятельности со стороны оккупационных властей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев, А.В. Ремесленное производство и частное предпринимательство на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации (1941 – 1944 гг.) / А.В. Беляев // Веснік ВДУ. – 2001. – № 2(20). – С. 20–26.;

2. Гребень, Е.А. Предпринимательская деятельность жителей г. Витебска в период немецкой оккупации (1941 – 1943 гг.) / Е.А. Гребень // *Vesture: avoti un cilveki : proceedings of the 17th International Scientific. Readings of the Faculty of Humanities. History XI.* – Daugavpils : Saule, 2009. – С. 108–115.
3. Осокина, Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 / Е.А. Осокина. – М. : РОССПЭН, 1999. – 271 с.
4. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). – Ф. 2088. Оп. 2. Д. 1.
5. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 182.
6. Государственный архив Гомельской области (далее – ГАГом). – Ф. 1337. Оп. 1. Д. 11.
7. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 78.
8. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 81.
9. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБр). – Ф. 685. Оп. 1. Д. 3.
10. Государственный архив Минской области (далее – ГАМн). – Ф. 628. Оп. 1. Д. 18.
11. ГАВт. – Ф. 2088. Оп. 1. Д. 56.
12. ГАМн. – Ф. 1604. Оп. 2. Д. 3.
13. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 183.
14. ГАБр. – Ф. 684. Оп. 1. Д. 4.
15. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 88.
16. ГАБр. – Ф. 192. Оп. 1. Д. 1.
17. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 111.
18. ГАГом. – Ф. 1318. Оп. 1. Д. 2.
19. ГАГом. – Ф. 1337. Оп. 1. Д. 35.
20. ГАВт. – Ф. 2088. Оп. 2. Д. 2.
21. Государственный архив Могилевской области (далее – ГАМог). – Ф. 845. Оп. 3. Д. 2.
22. ГАМог. – Ф. 847. Оп. 2. Д. 1.
23. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 90.
24. ГАВт. – Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1.
25. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 178.
26. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 139.
27. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 129.
28. ГАМн. – Ф. 1613. Оп. 1. Д. 1.
29. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 51.
30. ГАГом. – Ф. 1336. Оп. 1. Д. 19.
31. ГАМн. – Ф. 4218. Оп. 1. Д. 22.
32. ГАМн. – Ф. 1039. Оп. 1. Д. 129.
33. ГАМог. – Ф. 858. Оп. 1. Д. 97.
34. ГАМн. – Ф. 686. Оп. 1. Д. 16.
35. ГАМог. – Ф. 269. Оп. 1. Д. 207.
36. ГАМн. – Ф. 4218. Оп. 1. Д. 13.
37. ГАБр. – Ф. 192. Оп. 1. Д. 34.
38. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 233.
39. ГАМог. – Ф. 259. Оп. 1. Д. 22.
40. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 1. Д. 50.
41. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 1. Д. 39.
42. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 1281.
43. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 1280.
44. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 232.
45. ГАМог. – Ф. 271. Оп. 1. Д. 22.
46. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 137.
47. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 1032.
48. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 144.
49. ГАМог. – Ф. 858. Оп. 1. Д. 42.
50. ГАМог. – Ф. 858. Оп. 3. Д. 4.

Поступила 13.04.2015

BUSINESS ACTIVITIES OF THE POPULATION DURING THE NAZI OCCUPATION OF BELARUS

Y. HREBEN

The article clarifies the business activities of the population during the Nazi occupation of Belarus according to the great number of archive data. It is pointed out that during the difficult social-economic period of the Nazi occupation business became one of the surviving strategies for many people. Despite the variety of difficulties, which became the result of the trade and manufacturing enterprises activity, business became the alternative of the manual labor and as a result small salary in the state establishments and enterprises. The citizens who were employed in business activity used different strategies (tax evasion, work without license), which allowed a private enterprise to function in the conditions of strict limits of their activity by the occupation authority.